

ОЛЬГА ЕФИМОВА

ОХОТНИЦА НА ТЕНЕЙ

18+

Ольга Ефимова

ОХОТНИЦА НА ТЕНЕЙ

«Автор»

2026

Ефимова О.

ОХОТНИЦА НА ТЕНЕЙ / О. Ефимова — «Автор», 2026

Она была лучшим следователем убойного отдела, но жестокость стоила ей погон. Она стала частным детективом, который берётся за безнадежные дела. Она думала, что ошибки прошлого остались позади — пока тени не ожили. Анна Ветрова расследует смерть мальчика, которую пять лет назад сама признала несчастным случаем. Но теперь она находит следы убийства. И кто-то систематически уничтожает преступников, ушедших от правосудия, копируя её собственные методы — ломая пальцы и оставляя её следы. Анну подставляют, объявляют в розыск и заставляют бежать. Она понимает, что убийца — брат её погибшего напарника, одержимый идеей «очистить» её совесть. Финальная схватка на заброшенном заводе решает всё: Анна не убивает его, а сдаёт полиции. Это жёсткий детективный триллер о цене справедливости, о том, как прошлое превращается в тень, и о женщине, которая выбирает свет.

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Несчастный случай	8
Глава 2. Балконная пыль	13
Глава 3. Мёртвый свидетель	18
Глава 4. Зеркало	22
Глава 5. Ночной звонок	27
Глава 6. Второе дно	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ольга Ефимова

ОХОТНИЦА НА ТЕНЕЙ

Пролог

2012 год. Москва. Управление внутренних расследований. Кабинет для допросов № 4.

Запах здесь был особенным — смесь старой краски, дешёвого дезодоранта и чужого страха. Анна Ветрова ненавидела этот запах. Она сидела напротив мужчины, который, по документам, числился Иваном Семёновичем Кравцовым, сорока двух лет, без определённого места жительства, дважды судимым за кражи и один раз за изнасилование с отягчающими. Но Анна знала, что настоящее его имя — Сергей Белозёров, и что он проходил по делу о серии нападениях на несовершеннолетних в Южном округе. Три девочки, все младше двенадцати, все с одинаковыми повреждениями на пальцах — будто их пытали, выкручивая суставы, прежде чем оставить в подвалах заброшенных домов. Анна тогда была старшим лейтенантом, только что переведённой в убойный отдел, и ей дали это дело как «проверочное».

— Ну что, Семёныч, — сказала она, откинувшись на спинку стула и скрестив руки на груди. — Ты ведь знаешь, зачем мы тут. Три девочки, три адреса, три подвала. Твои отпечатки нашли на одной из дверных ручек. Ты сам нам рассказал, что заходил туда «погреться», но забыл, что на той неделе были дожди, и все следы должны были смыться. А твои — остались.

Кравцов — Белозёров — улыбнулся. Это была маслянистая, самодовольная улыбка человека, который уже не раз выходил сухим из воды. Он знал, что прямых улик нет: отпечатки были старыми, девочки не могли опознать его из-за маски, а его алиби на время второго нападения прикрывала подруга, готовая поклясться на чём угодно за бутылку дешёвого вина.

— Грелся я, гражданка начальник, — пропел он, поигрывая пальцами, словно клавишами пианино. — Пальцы у меня мёрзнут, дело сезонное. А девчонки... ну, сами знаете, нынче дети бегают, где хотят. Может, они там сами друг друга... того. Я же не врач.

Анна сжала зубы. Она видела его глаза — они не бегали, не отводились, в них плескалась уверенность. Такая уверенность появляется только у тех, кто знает, что система работает медленно, а свидетели боятся, а адвокат придёт через час и заберёт его под подписку о невыезде. Потому что нет главного — признания.

Она взглянула на часы. До прихода адвоката оставалось пятьдесят минут. За это время она должна была сделать то, на что другие не решались. Анна помнила лица родителей тех девочек. Одна из них, самая маленькая, Настя, была дочерью её однокурсницы по юридическому. Настя не говорила уже три месяца — только мычала и пряталась под кровать, когда кто-то приближался. Мать Насти, Лена, плакала навзрыд в коридоре, а Анна тогда пообещала ей: «Я найду этого гада. Я выбью из него правду».

Она не давала пустых обещаний.

— Знаешь, Серёжа, — сказала Анна, вставая. Она обошла стол и села на край его, почти вплотную, так что он почувствовал запах её духов — резкий, с нотками табака. — Я много видела всяких. И всегда есть момент, когда они начинают верить, что выкрутятся. Понимаешь, этот момент — он для меня как красная тряпка для быка.

Белозёров перестал улыбаться. Он насторожился, но всё ещё держался с бравадой.

— Я не понял, это угроза? У вас тут запись, я имею право...

— Запись выключена, — соврала Анна. На самом деле камера работала, но оператор в соседней комнате был на её стороне и вырубил звук по её условному сигналу. — Сейчас мы просто побеседуем по-человечески.

Она медленно взяла его правую руку, ту, которой он машинально постукивал по столу, и положила на столешницу. Белозёров дёрнулся, но наручники, пристёгнутые к кольцу на столе, не позволили ему убрать руку.

— Вы что, с ума сошли? — выдохнул он, но в голосе проскользнула нотка страха. Первая трещина.

— Я просто хочу убедиться, что твои пальцы действительно мёрзнут, — тихо сказала Анна. — У меня есть отчёт экспертизы, где сказано, что на руках жертв — странные следы, похожие на переломы фаланг. Ты знаешь, что такое перелом фаланги? Это когда сустав выворачивается в обратную сторону. Болит адски. Но главное, что после этого пальцы не сгибаются до конца. Будут тебе вечным напоминанием.

Она взялась за его указательный палец и начала медленно отгибать его назад, не сильно, лишь обозначая давление. Белозёров дёрнулся и вскрикнул.

— Прекратите! Я буду жаловаться!

— Жалуйся, — ответила она спокойно. — Но сначала ответь: ты был там, в подвале дома 14 по улице Лесной? Ты трогал девочку?

— Нет! Я ничего не делал!

Анна увеличила давление. Палец хрустнул — нет, это был не перелом, просто сустав издал звук, но для Белозёрова это прозвучало как сигнал. Он задергался, замахал свободной рукой, пытаясь оттолкнуть её, но наручники держали крепко.

— Скажи правду, и я отпущу, — произнесла она с металлическими нотками. — Три слова: «Я это сделал». Или два: «Я виноват». Выбирай.

— Нет, нет, нет!

Анна вспомнила, как Лена рассказывала, что Настя по ночам просыпается с криком, зовет маму, а потом затихает и долго смотрит в стену. Вспомнила, как отец второй девочки, здоровый мужик, рыдал в раздевалке, потому что не мог смотреть на шрамы на теле своей дочери. Третья девочка была из детдома, и о ней никто не позаботился — только Анна взяла её дело, потому что никто другой не хотел.

— Ты знаешь, что я не остановлюсь, — сказала она уже почти шепотом. — Я сломаю все твои пальцы по очереди. А потом позвоню врачу, и он скажет, что у тебя наследственная хрупкость костей. Никто не поверит тебе, мусор.

Она резко дёрнула палец вниз. Раздался отчётливый хруст, и Белозёров заорал диким, нечеловеческим воплем — так кричат звери, попавшие в капкан. Его лицо побелело, пот выступил на лбу, глаза расширились до предела.

— Я скажу! — завопил он, глотая слюну. — Я скажу всё! Только перестань! Да, я был там! Я делал это! Все трое! Я хотел их... я не знаю зачем... простите, простите!

Анна отпустила его руку, и он повалился на стол, скуля и блюя от боли. Она вызвала конвой и врача. Но когда дверь открылась, в кабинет вошёл не только санитар, но и её непосредственный начальник, полковник Громов, с перекошенным от злости лицом. За ним стоял оператор, который, видимо, всё-таки включил запись, когда услышал крик.

— Ветрова! — рявкнул Громов. — Ты что тут устроила? Это же пытка! Мы не в девяностых!

Анна медленно поднялась, выпрямилась и с достоинством посмотрела ему в глаза.

— Он признался, товарищ полковник. Через десять минут он подпишет протокол. Три эпизода, все статьи. Он сядет надолго.

— Ты сломала ему палец! — Громов указал на корчащегося Белозёрова. — Это нарушение всех инструкций. Ты понимаешь, что он теперь заявит о применении незаконных методов? Завтра в прокуратуру уйдёт жалоба, и мы будем выглядеть как садисты.

— А как мы выйдем, когда не можем защитить детей? — парировала Анна, и её голос дрогнул — впервые за этот вечер. — Когда мы отпускаем подозреваемых из-за недостатка

доказательств, а через месяц они снова выходят на охоту? Скажите мне, полковник, сколько ещё детей должно пострадать, чтобы мы перестали играть в благородство?

Громов сжал кулаки. Он был из старой школы, но номенклатурный, чиновничий. Он мыслил категориями статистики и отчетов. И он уже знал, что вечером ему позвонит прокурор, а завтра — пресса. Но он также знал, что Анна — лучший сыщик в его отделе, и таких, как она, не бывает много.

— Признание не считается, — отрезал он. — Есть правила. Завтра ты сдашь дела, и на месяц отстраняешься от работы. Будешь ходить к психологу. И если ещё раз... я тебя выгоню. Поняла?

Анна промолчала. Она знала, что выговор — это ерунда. Главное, что Белозёров сознался, и теперь суд не сможет его отпустить. Даже если он откажется от слов, экспертиза зафиксирует травму, и это будет косвенным доказательством стресса. Адвокат не сможет ничего сделать. Она выиграла этот бой.

Но Громов добавил:

— И знаешь, Ветрова, я перевожу тебя в убойный отдел. Там работа по трупам. Там ты не будешь видеть живых детей и не будешь ломать пальцы подозреваемым. Будешь разбираться с уже совершённым. В общем, там, где твоя жестокость пригодится.

Анна не удивилась. Она кивнула, взяла свою папку и вышла из кабинета.

Коридор был длинным и плохо освещённым. Она прошла мимо комнаты, где сидели родители Насти. Мать подняла на неё заплаканные глаза, и Анна просто кивнула, коротко, уверенно. Она не сказала ничего, но взгляд её говорил: «Он не выйдет». Лена поняла и сжала руки в молитвенном жесте.

Анна вышла на улицу. Шёл мелкий снег, грязный, мартовский. Она остановилась у подъезда, достала сигарету, но не закурила — просто держала в пальцах, глядя, как снежинки тают на её чёрном пальто. Её трясло. Не от холода — от злости, от омерзения к тому, что пришлось сделать. Она знала, что переступила черту, но для себя она решила: если закон слишком мягок, значит, его надо подталкивать. Это был её первый урок, который она запомнила на всю жизнь.

Она вспомнила, как сама когда-то была ребёнком, как её отец-милиционер учил её, что главное — это справедливость, а не буква закона. Отец погиб при задержании бандитов, когда ей было шестнадцать. И с тех пор она жила по его завету: «Если не ты, то кто?». Она не была идеальной, но она была честной перед собой.

В ту ночь Анна не спала. Она сидела в своём кабинете, перебирала бумаги по делу Белозёрова, проверяла, все ли улики сходятся. Врач сказал, что перелом пальца — незначительный, но Белозёрову наложат шину, и суд примет это во внимание. Ему грозит от десяти до пятнадцати лет. Это было хорошо.

Но в её душе остался осадок: она сделала это не потому, что была жестокой. А потому, что иначе не могла. Потому что она видела лица девочек и знала, что они будут жить с этим кошмаром всегда. И она хотела, чтобы виновный хотя бы физически ощутил их боль — хотя бы малую её часть.

На следующий день её вызвал Громов и вручил приказ о переводе в убойный отдел. Там она проработала почти десять лет, пока её не уволили за «излишнюю жестокость» — уже по другому делу, уже сознательно.

Глава 1. Несчастный случай

Москва, настоящее время. Офис частного детектива Анны Ветровой на окраине города, второй этаж старого дома без лифта.

Анна Ветрова сидела за столом, который помнил ещё советские времена — массивный, с вытертой столешницей и въевшимися чернильными пятнами. На нём громоздились стопки папок, перевязанных бечёвкой, и несколько пожелтевших конвертов с надписью «Лично». За спиной у неё, на всю стену, тянулся стеллаж, забитый такими же папками. Это была её коллекция — дела, в которых она когда-то ошиблась. Не все, конечно, только те, что не давали ей спать по ночам. Их было тринадцать. Она не считала их трофеями — скорее, налётами на собственное несовершенство.

За окном моросил осенний дождь, серый и нудный, как бесконечная очередь в поликлинике. Анна уже третий час сидела над отчётом о краже, которую ей заказал владелец маленького магазина электроники. Дело было простым, скучным, почти оскорбительным для её квалификации — нашла вора за два дня, вернула товар, получила гонорар. Она давно перестала брать такие заказы, но в этом месяце не было ничего серьёзного, а аренда офиса кусалась. Тридцать восемь лет, бывший майор убойного отдела, а она сидит и пишет отчёт о воровстве пяти планшетов. Анна горько усмехнулась и отложила ручку.

Она подошла к стеллажу и провела пальцами по корешкам папок. Там были дела: «Невиновный», «Двойник», «Стекло», «Последний звонок»... Она знала каждое наизусть, каждое лицо, каждую ошибку. Но самой тяжёлой была та, что лежала на самой нижней полке, под замком — папка с пометкой «Архив-2016» и красным штампом «НС». Несчастный случай. Дело о мальчике, которого звали Витя Ковалёв. Ему было девять лет, он упал с балкона пятого этажа, и Анна тогда, еще, будучи майором, подписала заключение, что это был несчастный случай. Потому что улики не было. Потому что все указывало на то, что мальчик просто заигрался, залез на перила и сорвался. И потому что её тогда отвлекали другие, более важные дела.

Она не любила вспоминать об этом. Но иногда, когда дождь шумел особенно тоскливо, она доставала ту папку, перечитывала показания соседей, протоколы осмотра, фотографии с места происшествия. И каждый раз ей казалось, что она что-то упустила. Но что — понять не могла. Просто чувство, сосущее под ложечкой. Женская интуиция, как она называла это для себя, но никогда не признавала вслух.

Телефон на столе зажужжал — старый аппарат с дисковым набором, который она хранила как талисман. Анна нехотя подошла, сняла трубку.

— Слушаю.

— Здравствуйте, это Анна Ветрова, частный детектив?

Голос был мужским, усталым, с хрипотцой. Возраст — за пятьдесят, а может, и все шестьдесят. Анна мысленно одела говорящего: седые волосы, мятый пиджак, запах табака.

— Да, я вас слушаю.

— Меня зовут Виктор Ковалёв. Мы не знакомы, но... я знаю, что вы раньше были следователем. Вы вели дело моего сына. Вити.

Анна замерла. Мир за окном вдруг перестал существовать. Она слышала только собственное дыхание и гул в трубке.

— Я помню, — сказала она после паузы, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Дело пятилетней давности. Ваш сын... несчастный случай.

— Нет, — твёрдо сказал мужчина. Голос его дрогнул, но он взял себя в руки. — Я знаю, что вы тогда подписали заключение, и я не виню вас, потому что следствие проводили вы, а не я. Но я его отец. Я знаю своего сына. Витя не полез бы на перила. Он боялся высоты. Он

даже на стул боялся вставать, чтобы лампочку вкрутить. А тут — балкон пятого этажа? Это невозможно.

Анна закрыла глаза. Она помнила: в показаниях соседей действительно говорилось, что мальчик был пугливым, но в деле было написано, что в тот день он остался дома один, родители на работе, и что он мог просто забыться в игре. Детская психология — они часто не осознают опасности. Так писала в заключении тогдашний психолог отдела.

— Мистер Ковалёв, — мягко начала Анна. — Я понимаю вашу боль. Но дело закрыто, все экспертизы проведены. Если у вас есть новые улики...

— Нет, новых улик у меня нет. Но у меня есть я. И моя память. Той ночью, когда это случилось, я был в командировке, а когда вернулся, уже было поздно — тело убрали, балкон опечатали, всё было решено. Но я разговаривал с соседкой, которая живёт напротив. Она сказала, что видела машину во дворе, чёрную, с тонированными стёклами. Она стояла там за час до того, как Витя упал. А потом уехала. В протоколе этого нет.

— Машина во дворе не является уликой, — сухо ответила Анна. — В Москве полно машин.

— Да, но соседка сказала, что из неё вышел мужчина и подошёл к нашему подъезду. У него был какой-то свёрток. Она не придавала этому значения, потому что думала, что это кто-то из ремонтников. Но после, когда всё случилось, она вспомнила. Она боялась говорить тогда, потому что не хотела проблем. Но я нашёл её недавно, она живёт в Подмоскovie теперь. И она мне это рассказала.

Анна открыла глаза и посмотрела на папку на нижней полке. «НС». «Несчастный случай». Внезапно ей стало холодно, хотя в офисе было тепло.

— Вы уверены, что она не перепутала дату?

— Абсолютно. Она знала Витю, часто видела его во дворе. Она помнит день, потому что у её внучки был день рождения, и она покупала торт. В тот самый вечер, когда всё случилось.

Анна помолчала. Она знала, что должна сказать этому отцу: «Дело закрыто, я не могу его возобновить, обратитесь в полицию, если считаете нужным». Но слова застревали в горле. Она сама была дочерью погибшего милиционера, она знала, что такое жить с несправедливостью, которая не нашла выхода.

— Мистер Ковалёв, — наконец сказала она. — Я не веду старых дел. Тем более тех, по которым я сама выносила решение. Это... неэтично.

В трубке повисла тяжелая тишина. Затем мужчина выдохнул — такой выдох, будто у него отняли последнюю надежду.

— Я понял. Простите, что побеспокоил. Всего хорошего.

Он уже хотел положить трубку, но Анна вдруг сказала:

— Подождите. Дайте мне номер соседки и адрес. Я посмотрю на дело... ещё раз. Без обещаний.

— Правда? — голос отца преобразился, в нём зазвенела почти детская радость. — Спасибо вам. Я всё напишу смс.

Он продиктовал данные, затем поблагодарил и повесил трубку. Анна долго сидела, глядя на аппарат. Она понимала, что ввязывается во что-то опасное. Если она ошиблась, если она пропустила убийство пять лет назад, это разрушит её профессиональную репутацию полностью. Но если она права, и мальчика убили, а она подписала «несчастный случай»... это сделает её соучастницей, пусть и невольной.

Она налила себе чай из завалявшегося термоса — чёрный, горький, без сахара. Сделала глоток, и он обжёг рот, но она не почувствовала боли. Вместо этого она достала ключ от нижнего ящика, открыла его и вытащила папку «Архив-2016».

Внутри были стандартные листы: протокол осмотра места происшествия, фото с балкона, план квартиры, показания соседей, заключения экспертов. Анна перелистнула на раздел

с фотографиями. Качество было средним, цифровые снимки, сделанные тогда ещё не самым лучшим аппаратом. Несмотря на то, что балкон был небольшим и застеклённым, одна секция не имела остекления — именно через неё мальчик вышел наружу.

Перила были металлические, решётчатые, высотой около метра. Мальчик, девяти лет, ростом чуть выше метра двадцати, мог бы влезть на них, если бы очень захотел. Но зачем?

Анна вспомнила допрос соседей: никто не слышал криков, никто не видел самого падения. Только глухой удар внизу, в палисаднике. Тело обнаружили через час, когда соседка снизу вышла выкинуть мусор. Витя лежал на земле, голова неестественно вывернута, глаза открыты. Смерть наступила мгновенно.

Тогда Анна приехала на место, когда тело уже увезли. Она осмотрела балкон, измерила следы, но ничего подозрительного не нашла. Отпечатки обуви на перилах? Были, но они принадлежали самому мальчику — его кроссовки нашли в комнате, и они совпадали по рисунку. Следы борьбы? Нет. Какие-то посторонние волокна? Нет.

Но Анна помнила, что её напарник, Алексей, тогда сказал ей: «Смотри, тут странно. На перилах есть царапины, будто металл скребли чем-то острым. Но Витя не мог это сделать — у него ногти короткие». Анна тогда отмахнулась: «Царапины могли быть старыми, от ремонта, от птиц». Алексей кивнул, но в его глазах она увидела сомнение.

Через месяц Алексей погиб в перестрелке. И Анна, потрясённая его смертью, просто закрыла дело, поставила подпись и сдала в архив. Она не хотела вспоминать ту сцену — её напарник лежит на асфальте, в луже крови, а она держит его за руку и шепчет: «Не уходи, слышишь?» Но он ушёл.

И вот теперь отец мальчика позвонил, и старые раны открылись вновь.

Анна отложила папку и подошла к окну. Дождь всё лил, на стекле бежали мутные струи. Она вспомнила, как тогда, после подписания дела, она поехала к матери Вити — молодой женщине, которая сидела на кухне и смотрела в пустоту. Анна сказала ей: «Это несчастный случай, примите это». Мать кивнула, но её глаза были мёртвыми. Анна не выдержала, вышла из квартиры и разрыдалась в подъезде. Это был один из немногих разов, когда она плакала по работе.

Она всегда считала, что ошибки надо признавать и жить с ними. Но иногда ошибка — это не просто оплошность, это предательство. И Анна чувствовала, что предала Витю, его мать, его отца, и саму себя.

Она решила: завтра она съездит на тот адрес, поговорит с соседкой, которая видела чёрную машину. Но сначала — разобраться в деле заново, без эмоций, как будто она видит его впервые.

Сев за стол, она начала читать протоколы, начиная с первого листа. Внимательно, вдумчиво, словно это было новое дело. Она выписывала в блокнот все нестыковки, которые находила. Но ничего нового не всплывало — всё то же самое, что и пять лет назад.

И только когда она дошла до фотографий балкона в крупном плане, она задержалась на одном кадре. Это был крупный план перил справа, где были видны царапины, о которых говорил Алексей. Они шли не вертикально, как могло бы быть от ногтей или от того, что мальчик пытался зацепиться, а горизонтально — словно кто-то провёл чем-то металлическим вдоль прутьев. И на одном из прутьев была небольшая выпуклость, похожая на след от удара.

Анна приблизила фото, насколько позволял принт, и вдруг заметила: на нижней перекладине перил, с внешней стороны, был отпечаток. Не обуви, а скорее какой-то ткани — фактура была крупная, как у грубой куртки. Это не было отмечено в протоколе. Она помнила, что эксперт делал снимки, но не обратил на это внимания, потому что отпечаток был слабым и нечёткими.

Анна взяла лупу, которую всегда держала в ящике, и наклонилась над фотографией. Отпечаток действительно был. Но не детский. Взрослый. Кто-то взрослый стоял на нижней перекладине, держась за верхнюю, и опирался на перила. И этот кто-то оставил тканевой след.

Она почувствовала, как внутри всё сжалось. Если на перилах есть отпечаток взрослого человека, значит, взрослый был там, на балконе, в тот момент, когда Витя упал. Или перед падением. Или после. В любом случае, это меняло всё.

Анна быстро открыла компьютер и нашла электронную версию дела — она сканировала её несколько лет назад для своего архива. Она увеличила изображение, обработала контрастность, и чётко увидела: на внешней стороне нижней перекладины есть нечто, похожее на след обуви — правда, неполный, но с характерным рисунком протектора. Она сверила его с отпечатками обуви Вити — они не совпадали.

— Чёрт, — выдохнула она. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Это означало, что она пропустила улику. Взрослый мужчина был на балконе. Если это был кто-то из соседей, он должен был это показать на допросе. Никто из соседей не признался, что был на балконе в тот день. Значит, это был посторонний. Или тот, кто не хотел признаваться.

Анна лихорадочно перебирала другие фотографии. Она нашла снимок с балкона, сделанный снизу, из палисадника. На нём виднелся край козырька, где были небольшие потёртости — словно кто-то опирался там, стоя на балконе, и тёрся о козырёк. Тогда она приняла это за старые следы от ремонта. Но сейчас, посмотрев внимательно, она увидела, что потёртости свежие — краска была содрана до металла, и на срезе не было окислов. Это случилось незадолго до осмотра.

Анна выпрямилась и откинулась на спинку стула. У неё перехватило дыхание. Она не просто ошиблась, она совершила профессиональную халатность, причём грубую. Или, что ещё хуже, её кто-то специально направил по ложному следу. Тогда, пять лет назад, она была слишком занята делом о серийном убийце, слишком уставшая, слишком рассеянная после гибели Алексея. Возможно, она подсознательно хотела поскорее закрыть это дело, чтобы не терзать себя новыми мыслями. И вот результат.

Время было уже за полночь. Дождь за окном усилился, забарабанил по стеклу. Анна не чувствовала усталости — адреналин вымыл всё. Она знала, что не сможет заснуть. Она взяла ключи от машины, надела плащ и вышла из офиса.

Улица была пустынной, фонари размазывали свет по мокрому асфальту. Она села в свою старенькую «Тойоту» и поехала в тот район, где жила семья Ковалёвых пять лет назад. Она помнила адрес: улица Строителей, дом 14, корпус 3. Она доехала за двадцать минут — город ночью был почти свободен.

Дом стоял всё тот же, панельная девятиэтажка с облупившейся штукатуркой. Двор был освещён лишь одним фонарём, который мигал, как больной. Анна припарковалась, вышла под дождь и подошла к подъезду. Пятый этаж, балкон, с которого упал Витя. Она подняла голову и вгляделась в темноту. Балкон был застеклён, и новые жилыцы явно уже затянули его пластиком. Но в углу, там, где были перила, она разглядела силуэт — кто-то стоял на балконе. Или ей показалось?

Она моргнула, и в тот же миг фигура исчезла. Сердце забилось быстрее. Анна подошла ближе к подъезду, достала фонарик и направила луч на пятый этаж. Никого. Но в окне, рядом с балконной дверью, мелькнула тень, словно кто-то отошёл вглубь комнаты.

— Кто-то там, — прошептала она. — Или у меня уже крыша едет.

Она решила не лезть в подъезд — слишком рискованно, нет ордера, и если там живёт кто-то новый, ей придётся объяснять, кто она и зачем пришла в час ночи. Лучше подождать до утра и поговорить с соседкой, которая живёт напротив.

Анна вернулась в машину и просто сидела, глядя на этот дом. Она вдруг остро почувствовала, что время пошло вспять, что она снова та самая молодая следовательница, которая боится ошибиться, но идёт напролом. Она вспомнила, как три года назад она сломала пальцы педофилу, потому что закон был бессилён. Она не жалела об этом, но тогда ей сказали: «Ты слишком жестока, Ветрова. Ты не умеешь ждать». И уволили.

Теперь она частный детектив. Она может браться за дела, которые официально похоронены. Она может идти по следу, не оглядываясь на начальство. Но у неё нет полномочий, нет доступа к базам, нет прикрытия. Она одна.

И всё же она приняла решение. Она заведёт это дело. Не для денег, не для славы — для Вити, для его отца и для себя. Чтобы доказать, что она не просто «излишне жестокая», а что у неё есть чутьё, которое не подводило её никогда. И если она ошиблась тогда, она исправит ошибку сейчас.

Она завела двигатель, выехала со двора и направилась домой. Дождь стал стихать. В её голове уже вырисовывался план: завтра она поедет к соседке, которая видела машину, потом в архив, потом на встречу с отцом. Она будет искать чёрную машину, мужчину со свёртком, и того, кто оставил тканевый след на перилах.

Но главное — она перестанет гнаться за призраками. Она начнёт сначала. И этот раз она доведёт дело до конца, чего бы это ни стоило.

Вернувшись в свою квартиру — маленькую однушку с книгами и стопками бумаг, она не стала раздеваться. Она села на пол, прислонившись к батарее, и просто сидела, глядя в потолок. В голове крутились обрывки фраз: «Несчастный случай», «Никто не видел», «Чёрная машина», «Алексей». Имя напарника пронзило её острой болью. Он говорил ей тогда: «Анна, будь внимательнее. Я чувую, здесь нечисто». А она ответила: «Ты слишком много читаешь детективов, Алёша». Он тогда улыбнулся, но в глазах была тревога. И через месяц он погиб.

Анна закрыла глаза. Она не верила в совпадения. Если Алексей чувал, что дело нечисто, возможно, он что-то знал, что-то, о чём не успел сказать. И его смерть — может быть, не случайность.

Она открыла глаза и встала. Подошла к полке, где лежала папка с делом Алексея — «Гибель при исполнении». Она не открывала её четыре года, но сейчас сняла с полки, провела рукой по обложке и убрала обратно. Не сейчас. Сначала надо закрыть дело Вити. А потом — разобраться с тенью, которая преследует её.

Она подошла к старенькому будильнику, перевела стрелки на шесть утра и легла на диван, не раздеваясь. Сон пришёл не сразу — она слышала, как капли дождя барабанили по крыше, как где-то далеко лает собака. Она думала о том, что завтра начнётся расследование, которое может перевернуть всё. Или разрушить её окончательно.

Но выбора не было.

Когда она, наконец провалилась в забытие, ей приснился Витя. Он стоял на балконе и махал ей рукой, улыбался. А потом кто-то появился за его спиной — тень, без лица, с длинными руками, которые тянулись к мальчику. Анна хотела закричать, но не могла, хотела бежать, но ноги не слушались. Она проснулась в холодном поту, когда первые лучи солнца пробились сквозь шторы.

Было семь утра. Она не стала ждать больше. Вскочила, умылась ледяной водой, накинула джинсы, свитер и вышла из дома. Ей предстоял долгий день.

Глава 2. Балконная пыль

Утро следующего дня. Москва, район Южное Бутово. Дом № 14, корпус 3.

Анна Ветрова стояла у подъезда, вглядываясь в облупившуюся краску на стенах, когда первые лучи солнца только начинали золотить верхушки деревьев. Ночной дождь оставил после себя свежесть и лужи, в которых отражалось серое небо. Она была здесь снова, но на этот раз не одна — в кармане лежал номер телефона соседки, которая жила напротив и видела чёрную машину. Ей нужно было поговорить с ней до того, как та уедет на работу или, что ещё вероятнее, до того, как кто-то другой её перехватит.

Анна подошла к соседнему подъезду — там, напротив балкона Ковалёвых, квартира была на четвёртом этаже. Она нажала на домофон, и после долгих гудков женский голос, сонный и хриплый, спросил:

— Кто там?

— Здравствуйте, это Анна Ветрова, частный детектив. Мне дал ваш телефон Виктор Ковалёв. Вы помните, мы говорили о деле его сына?

Последовала пауза. Затем щелчок — дверь открылась. Анна поднялась на четвёртый этаж пешком — лифт в подъезде был старым и дребезжащим, она не рискнула. Дверь квартиры приоткрылась, и в щели показалось лицо женщины лет семидесяти, с седыми, аккуратно зачёсанными волосами и цепкими, выцветшими глазами. Она была одета в старенький халат и держала в руках кружку с чаем.

— Проходите, — сказала она без улыбки, но без враждебности. — Я знала, что вы придёте. Виктор звонил вчера, предупредил.

Анна вошла в прихожую, пропахшую старой мебелью и валерьянкой. Квартира была небольшая, но ухоженная, с вышитыми салфетками на серванте и фикусом в углу. Женщина, представившись Зоей Петровной, провела её на кухню, где на столе уже стояла заварка и печенье.

— Садитесь, не стойте. Я знаю, зачем вы здесь. Про чёрную машину. Но я уже всё рассказала Виктору. И полиции тогда не говорила, потому что думала — ну мало ли, кто во двор заезжает. А потом, когда Витя упал, я испугалась. Думала, меня тоже втянут, начнут допрашивать, а я старуха, мне этого не надо.

Анна села напротив, взяла чашку, но пить не стала. Она внимательно смотрела на Зою Петровну, изучая её жесты, мимику. Женщина не врала — у неё дрожали руки, но не ото лжи, а от волнения, от того, что она вновь переживала тот день.

— Расскажите всё по порядку, — мягко попросила Анна. — Без спешки. Когда вы увидели машину, сколько она стояла, что за человек выходил.

Зоя Петровна отпила глоток, поставила кружку и начала:

— Дело было вечером, около шести. Я как раз собиралась к внучке на день рождения, торт купила, стою у окна, жду мужа, чтобы он меня отвёз. И вдруг вижу — во двор заезжает чёрная машина, иномарка, не старая, блестящая. Я тогда подумала: «К кому это такой дорогой гость?» У нас двор простой, машин таких не видели. Машина встала прямо под окнами, недалеко от подъезда, где Ковалёвы жили. Из неё вышел мужчина, высокий, в чёрной куртке, с капюшоном. Лица я не видела, спина. Он держал в руке что-то продолговатое, свёрнутое в ткань, может, инструмент, может, что-то ещё. Он быстрым шагом пошёл в подъезд Ковалёвых. Я тогда подумала — может, ремонтник к кому? Но время-то вечер, ремонтники обычно днём ходят. Ну, я не придавала значения, ушла, собралась, муж приехал, мы уехали. А когда вернулась, уже было поздно, — она перекрестилась. — Уже скорая стояла, и Витю накрыли простыней. Я выбежала, спросила у соседки, что случилось. Она сказала — упал с балкона. Я сразу вспомнила ту машину. И того человека. Но мне было страшно говорить. А потом, когда поли-

ция приехала, я слышала, как следователи говорили, что это несчастный случай. Я подумала — раз они так решили, значит, так и есть. Зачем лезть?

Анна слушала и мысленно фиксировала детали: время — около шести вечера, что совпадает со временем падения, согласно протоколу (около 18:15). Машина — чёрная, иномарка, мужчина с предметом в руках. Всё это не фигурировало в деле, потому что соседка не заявила, а другие свидетели были или невнимательными, или просто не видели.

— Вы помните, сколько времени машина стояла? — спросила Анна.

— Минут десять, не больше. Я у окна стояла, и как только мужчина зашёл в подъезд, я отошла, потом через минут пять выглянула — машина уже уехала. Так что он был там всего несколько минут.

— А когда вышел из подъезда, вы видели?

— Нет, я в комнату пошла одеваться. А когда вышла, его уже не было.

Анна кивнула. Это было важно: убийца (если это был он) мог войти, подняться на пятый этаж, сделать своё дело и быстро уйти. Если он знал, что мальчик один, и знал, что никто не помешает — это был кто-то из знакомых или тот, кто следил.

— Ещё вопрос, — сказала Анна. — Мужчина был один? Может, кто-то остался в машине?

— Нет, я видела — только водитель вышел. И машина была пустая, я заглянула через стекло, хотя стёкла тонированные, но я видела силуэт — он сидел один.

— А номер машины вы не запомнили?

Зоя Петровна вздохнула, поморщилась:

— Ой, милая, я тогда и думать не думала, что это важно. Я даже не смотрела на номер. Только марку — чёрная, блестящая, как «Мерседес» или «БМВ». Я в машинах не разбираюсь. Но точно не «Жигули», дорогая.

Анна записала это в блокнот. Бесплезная деталь для официального расследования, но для неё — зацепка. Она поблагодарила женщину, попросила позвонить, если вдруг вспомнит что-то ещё, и вышла из квартиры.

Она не пошла к своей машине. Вместо этого она направилась в соседний подъезд — туда, где когда-то жили Ковалёвы. Дом, как она уже заметила, был частично расселён: часть квартир пустовала, на окнах висели объявления о продаже. На двери подъезда висел замок, но Анна знала один трюк — она позвонила в первую попавшуюся квартиру на первом этаже, представилась сотрудницей ЖЭКа, и ей открыли без вопросов.

Она поднялась на пятый этаж пешком. Лестница была тёмной, лампочки на площадках перегорели, лишь тусклый свет пробивался из окон пролётов. Квартира Ковалёвых была опечатана — сургучная печать на двери, ветхая и потрескавшаяся. Анна достала перочинный нож и аккуратно срезала печать, пообещав себе, что потом заменит. Она вошла внутрь.

Запах пыли и запустения ударил в нос. Квартира была пуста — после смерти Вити и развода родителей её продали, вещи вывезли, остались только старые обои и встроенная кухня. Анна прошла в гостиную, где когда-то стоял диван, и оттуда — на балкон. Стеклянная дверь была заперта, но замок был дешёвым, она легко открыла его монеткой.

Балкон был маленький, застеклённый, но одна секция была открыта — та самая, где мальчик упал. Анна вышла на балкон, и ветер качнул её волосы. Она стояла и смотрела вниз, на палисадник, где когда-то лежало тело. Высота кружила голову, но она привыкла.

Она опустила на корточки и начала внимательно осматривать перила. Они были металлические, сварные, с вертикальными прутьями и горизонтальной перекладиной внизу. Она достала свой компактный фонарик и маленькую лупу, которые всегда носила с собой, и начала изучать каждый миллиметр.

Следы пыли — на перилах было много пыли, но кое-где она была нарушена. Она вспомнила фотографию из дела: те горизонтальные царапины, которые заметил Алексей. Но сейчас,

на месте, они виделись иначе. Анна провела пальцем по одному из прутьев — царапины шли не просто горизонтально, они были глубже, чем казалось на снимке, и образовывали дугу, как будто по металлу провели чем-то изогнутым.

Она наклонилась ниже, к самой нижней перекладине, и вдруг замерла. Там, с внешней стороны перил, был отчётливый след — отпечаток подошвы обуви. Он был неполным, только носок и часть каблука, но рисунок протектора сохранился достаточно хорошо, чтобы его можно было зафиксировать. Анна быстро достала свой телефон, сделала несколько снимков с разных ракурсов, потом наложила масштабную линейку (у неё всегда был с собой складной метр) и замерила длину отпечатка.

— Сорок пятый, не меньше, — пробормотала она. — Мужской. Обувь с глубоким протектором, типа ботинок для активного отдыха.

Отпечаток был на внешней стороне перил, то есть человек стоял на балконе, но не внутри, а снаружи, держась за прутья. Это было странно: зачем взрослому мужчине вылезать наружу, рискуя упасть? Если он хотел сбросить ребёнка, он мог это сделать, стоя внутри. Но если он был там, чтобы что-то оставить или убрать, или если он сам пытался уйти с балкона, чтобы его не видели? Или если он был настолько крупным, что не помещался внутри?

Анна сняла отпечаток с помощью специальной плёнки, которую она взяла из своего старого комплекта криминалиста. Она не была официальным экспертом, но знала, как делать слепки. Плёнка мягко легла на пыльный след, и она аккуратно перенесла его на тёмную бумагу. Теперь у неё был вещественный след, которого не было в деле.

Она села на корточки, глядя на этот след, и в её голове начали собираться пазлы. Отпечаток 45-го размера, мужчина с чёрной машиной, свёрток в руках. Время — вечер, мальчик один. Всё это кричало об убийстве. Но почему тогда нет других следов? Ни крови, ни драки, ни криков? Если мужчина был крупным, он мог легко поднять Витю, перекинуть через перила, и тот даже не успел закричать. Или его заставили молчать угрозой.

Анна встала, размяла затёкшие ноги и осмотрела балкон снова. На внутренней стороне перил она нашла ещё одну странность — небольшое потёртость на краске, на высоте примерно метра от пола. Если мальчик стоял на цыпочках, его плечо могло касаться этого места. Но потёртость была слишком широкой, как будто кто-то тёрся спиной, пытаясь увернуться. Она вспомнила, что в протоколе было сказано: «Следов борьбы не обнаружено». Но здесь, на месте, она видела, что эксперт либо был невнимателен, либо следы появились после осмотра. Но кто мог зайти на балкон после? Новые жильцы? Но балкон был застеклён, и, судя по наслоениям пыли, никто не открывал эту секцию годами.

Анна провела рукой по стеклу, которое было грязным, с налётом копоти. И вдруг её пальцы наткнулись на что-то липкое. Она отдернула руку и при свете фонарика увидела на стекле, в самом углу, где оно примыкало к раме, маленькое тёмное пятнышко. Она осторожно поскребла его ногтем — оно поддалось, пахло засохшей кровью. Свежей? Но дело пятилетней давности. Кровь могла сохраниться, если пятно было в защищённом месте.

Анна поняла, что это — кровь. И она не была в протоколе. Тогдашний эксперт либо не заметил, либо сознательно проигнорировал. Она взяла ватную палочку из сумки, смочила дистиллированной водой (она всегда носила с собой мини-набор для экспресс-анализа) и аккуратно взяла пробу. Она отправила её в карман, мысленно отметив, что надо отправить в независимую лабораторию.

Она выпрямилась и почувствовала, как её сердце колотится. Она была на правильном пути. Дело Вити Ковалёва не было несчастным случаем. Это было убийство. И она, Анна Ветрова, подписала вердикт, который позволил убийце уйти.

Она закрыла балкон, вышла из квартиры, аккуратно восстановила печать (насколько это было возможно) и спустилась вниз. Выходя из подъезда, она столкнулась с пожилой женщиной, которая выносила мусор. Та удивлённо посмотрела на Анну.

— Вы к кому? — спросила она, подозрительно шурясь.

— Я адвокат, — ответила Анна без запинки. — Интересуюсь продажей квартиры на пятом этаже. Клиент хочет купить.

Женщина покачала головой.

— Ой, не советую. Там ребёнок погиб. Дурная квартира. Мы все знаем.

— А что вы знаете? — быстро спросила Анна. — Вы здесь живёте давно?

— Пятнадцать лет. Всё знаю. Мальчик тот, Витя, славный был. Но говорят, что он сам залез на перила. Родители-то на работе были. Плакали потом, развелись. Мать уехала. А отец, я слышала, ищет правду.

— А вы не видели в тот вечер что-то необычное? — спросила Анна. — Чёрную машину, например?

Женщина насторожилась, но потом, видимо, решив, что Анна просто любопытная, ответила:

— Машину? Ну, я вечером на балкон выходила, соседку на втором этаже окликнула. И видела, как чёрная машина стояла у нас во дворе. Но я подумала — гости к кому-то. Потом она уехала. А через полчаса Витя упал. Я даже не связала это тогда. А теперь, когда вы говорите, я вспомнила. Там точно была машина.

Анна похолодела. Второй свидетель. Значит, машина действительно была. И если этот свидетель тоже ничего не сказала полиции, то это было уже системным провалом. Она записала номер квартиры женщины и попросила её позвонить, если она вспомнит ещё что-то, например, марку машины или номер.

Женщина кивнула, но было видно, что она не горит желанием ввязываться. Анна поняла: соседи боялись. Или просто не хотели проблем. Это было типично для таких дворов.

Она вышла на улицу и остановилась у своей машины. Дождь снова начинался, мелкий и колючий. Она закурила, хотя давно пыталась бросить, и просто стояла, глядя на балкон пятого этажа.

Внезапно у неё возникла ещё одна мысль. Она вспомнила, что в показаниях отца было: мальчик боялся высоты. И ещё: в тот день, накануне, во дворе была драка. Она тогда, пять лет назад, видела отчёт участкового о мелком хулиганстве — какие-то подростки подрались у соседнего подъезда, но никто не пострадал. Она не придавала этому значения. Но теперь, если мальчик был свидетелем этой драки, возможно, он видел что-то, что угрожало кому-то. И его убили, чтобы он молчал.

Анна достала из машины ноутбук, села за руль и подключила мобильный интернет. Она открыла базу данных, к которой у неё был нелегальный доступ (старый знакомый из IT-отдела полиции помог), и вбила адрес: улица Строителей, дом 14. Нашла протоколы участковых за тот месяц. Да, действительно, за два дня до смерти Вити был вызов по поводу драки возле детской площадки. Участковый записал, что конфликт между двумя группами молодых людей, один из них — некий Денис Кораблёв, двадцати двух лет, судимость за грабёж. Но заявление не писали, дело закрыли.

Анна записала имя и адрес Дениса. Это мог быть тот самый свидетель или даже виновник. Если Витя видел Дениса в чём-то криминальном, тот мог захотеть его убрать. Но зачем убивать девятилетнего мальчика, если можно просто пригрозить? Если только Денис не был связан с кем-то более серьёзным, кто не хотел риска.

Она решила посетить Дениса. Его адрес был в том же районе, в паре кварталов. Она завела машину, выехала со двора и направилась по указанному адресу.

Денис жил в обычной панельной пятиэтажке на первом этаже. Дверь открыла женщина с красным лицом и запахом перегара — видимо, мать.

— Денис дома? — спросила Анна, показав удостоверение частного детектива (оно не имело силы, но выглядело впечатляюще).

— Нет его, — буркнула женщина. — А вы кто такая?

— Я расследую старое дело. Мне нужно задать ему пару вопросов.

— Он в тюрьме. Уже два года как сел. За кражу. Приходите через пять лет, тогда и поговорите.

Анна вздохнула. Это усложняло дело. Но она записала, что Денис сидит, и решила позже навестить его в колонии, если получится. Пока что она поехала обратно в офис, чтобы всё систематизировать.

Вечером она сидела за своим столом, разложив перед собой фотографии, слепки, записи. Она поняла, что у неё есть три зацепки: отпечаток 45-го размера, чёрная машина и Денис Кораблёв, который был участником драки. Также кровь на стекле. Если отправить её на ДНК, возможно, совпадение с кем-то из базы.

Она позвонила в знакомую лабораторию, где работала её старая подруга-биолог, и договорилась о срочном анализе. Завтра она отвезёт образцы.

И вот, уставшая, но возбуждённая, она легла на диван, глядя в потолок. Она чувствовала, что начинает распутывать клубок, который тянулся из её прошлого. Но она также знала, что каждое действие может привлечь внимание того, кто не хочет, чтобы дело было раскрыто.

Внезапно её телефон запиликал — пришло сообщение с неизвестного номера. Она открыла его и увидела фотографию. На ней был её бывший начальник, полковник Громов, сидящий в ресторане с бокалом вина. Под фото было написано: «Этот тоже не наказан. Ты могла бы остановить меня».

Анна замерла. Её сердце пропустило удар. Кто-то знал, что она начала расследование, и посылал ей сигнал. Или угрозу. Она перезвонила на номер, но он был недоступен. Она поняла: она не одна в этой игре. И кто-то уже сделал свой ход.

Глава 3. Мёртвый свидетель

Два дня спустя. Москва, окраина, район Бирюлёво. Улица Промышленная, дом 7, корпус 2.

Анна Ветрова стояла у обшарпанной двери обветшалой пятиэтажки, вдыхая запах сырого подъезда, смешанный с ароматом кошачьей мочи и старой картошки. Она не спала вторые сутки — после того, как получила то странное сообщение с фотографией Громова, она не могла сомкнуть глаз. Она перезвонила на номер, но он был вне зоны доступа, и через час номер вообще исчез из сети — будто его и не было. Анна проверила время съёмки фото: оно было сделано за два часа до того, как она получила сообщение. Значит, кто-то следил за Громовым и делал снимки, чтобы напугать её. Или чтобы подтолкнуть к действию.

Она сначала хотела предупредить Громова, но передумала. Во-первых, они не разговаривали с момента её увольнения — он был тем, кто подписал приказ, и хотя она не держала на него зла, их отношения были напряжёнными. Во-вторых, она не знала, что сказать: «Кто-то посылает мне твои фото, будь осторожен»? Это выглядело бы паранойей. Поэтому она просто решила ускорить расследование. Если убийца (или тот, кто угрожает) связан с делом Вити, то чем быстрее она раскроет его, тем безопаснее будут все, кто фигурирует в её старых делах.

Первым делом она позвонила в колонию, где отбывал срок Денис Кораблёв. Ей ответил дежурный, ленивый голос с кавказским акцентом:

— Кораблёв? Да вышел он. Полгода назад по УДО. Адрес дать не могу, это персональные данные. Ищите через ФСИН.

Анна чертыхнулась. ФСИН — это бюрократический ад, даже с её связями. Но у неё был знакомый в уголовном розыске, лейтенант Свиридов, который иногда помогал ей за бутылку коньяка. Она позвонила ему, и тот быстро пробил по базе: Денис Кораблёв, двадцать семь лет, после освобождения проживает по адресу: улица Промышленная, дом 7, квартира 23. Она записала адрес и поехала туда.

Дом был похож на трущобу: облупившаяся штукатурка, разбитые окна на первых этажах, мусор во дворе. Подъезд не запирался, и она легко вошла. Лифт не работал, пришлось подниматься на четвёртый этаж пешком. Лестница была узкой, перила шатались.

Квартира 23 находилась в конце коридора. Анна подошла к двери, постучала — никто не ответил. Она прислушалась — за дверью было тихо, но она уловила слабый запах, какой-то сладковатый, тошнотворный. Она знала этот запах — запах разложения, который она чувствовала на сотнях мест преступлений. Её сердце ухнуло вниз.

Она толкнула дверь — она была не заперта, и легко поддалась. Внутри царил беспорядок: стулья перевернуты, посуда разбита, на полу валялись окурки и пустые бутылки. Но не это привлекло её внимание. Посередине комнаты, на продавленном диване, лежал мужчина. Он был одет в спортивный костюм, лицо было бледным, с синеватым оттенком, глаза открыты и смотрели в потолок. Это был Денис Кораблёв.

Анна подошла ближе, стараясь не дышать полной грудью. Явных следов насилия не было — ни крови, ни ран. Только странное положение рук: они были вытянуты вдоль тела, но пальцы были неестественно изогнуты, некоторые торчали под острым углом. Она наклонилась, чтобы рассмотреть лучше, и замерла.

На правой руке были сломаны указательный, средний и безымянный пальцы, причём фаланги были вывернуты в обратную сторону, как если бы их выкручивали с силой. На левой руке — два пальца тоже были сломаны. Это был тот же почерк, который она использовала десять лет назад на допросе педофила Белозёрова. Тогда она сломала ему указательный палец, чтобы выбить признание. Но здесь — целых пять пальцев, и сломаны они были уже после

смерти, потому что трупное окоченение начало проходить, и можно было определить, что травмы были причинены незадолго до или сразу после кончины.

Анна выпрямилась и почувствовала, как по спине пробежал холод. Кто-то скопировал её метод. И сделал это с жестокостью, превосходящей её собственную. Она была жестока, но она не убивала. А этот человек — убил и потом ещё надругался над телом.

Она быстро осмотрела квартиру: следов борьбы почти не было, только перевёрнутая мебель, но это могло быть следствием того, что Денис был пьян и сам всё разбросал. Но на полу она заметила странные царапины, похожие на следы от обуви, которые вели к входной двери. Кто-то входил и выходил. Кто-то с большим размером обуви — она измерила один отпечаток, он был примерно 45-го размера. Теперь уже третий раз она видела этот размер: на балконе, здесь, и ещё одно место?

Она достала телефон, сделала снимки всех деталей: положения тела, сломанных пальцев, царапин на полу, беспорядка. Она знала, что нельзя трогать тело до приезда полиции, но она не могла ждать — ей нужно было проверить одну вещь. Она надела перчатки, осторожно приподняла руку Дениса и осмотрела ногти. Под ними была грязь, но кое-где — крошечные волокна тёмной ткани, возможно, от одежды нападавшего. Она аккуратно сняла их с помощью пинцета и убрала в пластиковый пакет.

Она также заметила, что на шее Дениса есть странный след — тонкая красная полоса, похожая на удавку. Но она была почти незаметна, так как кожа была бледной. Возможно, его задушили, а потом сломали пальцы, чтобы имитировать «послание». Она сделала снимок и этого.

Внезапно она услышала шаги на лестнице. Кто-то поднимался. Она быстро вышла из квартиры, прикрыв дверь, и поднялась на следующий этаж, чтобы не столкнуться. Через минуту на площадку вышли двое мужчин в форме — участковые. Один из них выглядел усталым, второй был молодой и бодрый.

— Опять этот Кораблёв, — сказал старший. — Соседи жалуются, что воняет. Наверное, опять закидон устроил.

— Может, он просто бухал и не открывает, — ответил младший.

Они подошли к двери, постучали, затем толкнули её и вошли. Анна прислушалась, затем услышала возглас: «О, твою мать! Труп! Звони в отдел!»

Она поняла, что её обнаружили. Но она не хотела, чтобы её связали с этим местом, пока у неё нет официального статуса. Она быстро спустилась по лестнице, вышла из подъезда и села в машину, припаркованную за углом. Через несколько минут к дому уже подъехала полицейская машина, скорая, и началась суета.

Анна сидела в машине и смотрела, как эксперты заходят в подъезд. Она знала, что скоро они объявят, что это сердечный приступ или передозировка, чтобы не усложнять себе жизнь. Но она знала правду: убийство. И убийца оставил её почерк как подпись.

Она завела машину и поехала в сторону центра. Ей нужно было подумать.

Час спустя она сидела в своём офисе с чашкой остывшего кофе и смотрела на фотографии, которые сделала. Сломанные пальцы Дениса были почти идентичны тому, что она сделала с Белозёровым. Но она тогда сломала только один палец, а здесь — пять. Это было усиление. Или это был кто-то, кто считал, что она была слишком мягкой.

В голове всплыл образ Алексея, её погибшего напарника. Он всегда говорил: «Анна, ты слишком эмоциональна. Если уж браться за дело, надо делать его до конца, без сантиментов». Но он никогда не убивал. Он был законником. Но что, если он оставил записи, дневники, где описывал её методы, и кто-то другой прочитал их и использовал?

Анна открыла папку с делом Белозёрова. После её допроса он дал признательные показания, его осудили на двенадцать лет. Но три года назад он вышел по УДО, так как в тюрьме «перевоспитался». Анна знала, где он сейчас — она проверяла его время от времени, просто

чтобы убедиться, что он не приближается к детям. Он жил в Подмоскowie, работал грузчиком на складе, вёл тихую жизнь. Но мог ли он мстить? Зачем ему убивать Дениса Кораблёва? У них не было пересечений.

Или это был кто-то другой — кто-то, кто знал о её методах, о деле Белозёрова, о деле Вити, о драке во дворе, где участвовал Денис. Возможно, убийца был тем самым человеком из чёрной машины, который сбросил Витю с балкона. И он продолжал убирать свидетелей.

Анна взяла телефон и набрала номер Свиридова.

— Лёша, это Ветрова. Ты знаешь, что в Бирюлёве нашли труп Кораблёва?

— А ты откуда знаешь? — удивился он. — Я только что получил информацию. Но, Анна, это не твоё дело. Откуда у тебя сведения?

— Я расследую другое дело, и Кораблёв был свидетелем. Мне нужно знать, что скажет эксперт. Официальная версия?

— Пока предварительно — сердечный приступ на фоне алкогольной интоксикации. Ну, знаешь, стандартно. Но парни сказали, что там странные травмы на руках, как будто их ломали. Но это не вписывается, так что, возможно, он сам упал и сломал. Мы ждём судмедэксперта.

— Лёша, — сказала Анна с нажимом, — сделай мне одолжение. Попроси эксперта обратить внимание на пальцы. И на следы на шее. Это не сердечный приступ. Это убийство.

Свиридов помолчал, потом вздохнул:

— Анна, ты опять лезешь в дела, которые тебя не касаются. Но... ладно, я скажу. Но если ты ошибаешься, я ничего не смогу сделать.

— Ошибаюсь? — усмехнулась Анна. — Я никогда не ошибаюсь в таких вещах.

Она положила трубку и откинулась на спинку стула. Теперь она была уверена: кто-то методично убивает людей, связанных с её прошлыми делами. И Денис Кораблёв был первым, кого она нашла, но, возможно, он был не единственным. Она открыла список своих старых дел — тех, где она ошиблась или где преступники ушли от правосудия. Их было пять: Витя Ковалёв (она подписала «несчастный случай»), Денис Кораблёв (как свидетель, хотя он не был фигурантом), затем было дело об убийстве проститутки в 2016 году, дело о поджоге склада в 2018-м, и дело о мошенничестве, где она не смогла доказать вину. Все эти люди были живы и не наказаны по её вине.

Если убийца пошёл по списку, значит, следующими могут стать другие. Ей нужно было предупредить их или найти убийцу раньше.

Она открыла ноутбук и начала проверять каждого. Проститутка Ирина Цветкова, убита в 2016 году, дело не раскрыто, но подозреваемый — её сожитель Владимир Сорокин — был оправдан за отсутствием улик. Он сейчас живёт в соседнем районе. Анна решила навестить его завтра.

Но сначала — разобраться с Денисом. Если его убили за то, что он был свидетелем драки, возможно, убийца боится, что Денис мог дать показания по делу Вити. Но Денис сидел в тюрьме и молчал пять лет. Почему его убили именно сейчас, когда Анна начала расследование?

Она поняла: убийца знает, что она копает. И убил Дениса, чтобы замести следы и чтобы напугать её. Или чтобы она поняла, что её методы неэффективны — и теперь она должна платить за свои ошибки.

Анна сжала кулаки. Она не позволит себя запугать. Но она также понимала, что становится мишенью. Кто-то знает о ней всё: её привычки, её методы, её старые дела. Это был кто-то изнутри — либо полицейский, либо тот, кто имел доступ к архивам. И, возможно, это был кто-то, кто когда-то работал с ней.

Она вспомнила о своём старом напарнике, Алексее. Но он был мёртв. Или нет? Она никогда не видела его тела — только гроб и закрытую крышку. Но она была убеждена, что он погиб.

Или это был его брат? У Алексея был брат, Игорь, который сидел в тюрьме за убийство. Анна встречалась с ним один раз, когда Алексей попросил её помочь с УДО. Игорь был мрачный, замкнутый, с холодным взглядом. Он тоже знал о её методах. И он был на свободе уже два года. Может ли он мстить за брата, считая, что Анна виновна в его смерти?

Анна записала имя Игоря и его адрес. Она решила проверить эту версию, но пока — сосредоточиться на Денисе.

На следующее утро она позвонила в морг, представившись сотрудницей адвокатской конторы, и попросила данные вскрытия Кораблёва. Ей ответили, что официально причина смерти — острая сердечная недостаточность, но при вскрытии обнаружены множественные переломы фаланг пальцев, которые были причинены незадолго до смерти. Это было отмечено в акте, но не было включено в причину смерти, потому что они не считались фатальными. Анна знала, что это была подсказка.

Она поехала в морг, чтобы поговорить с патологоанатомом. Это был старый друг её отца, профессор Казанцев, который работал в этом морге с советских времён. Он принял её в своём маленьком кабинете, заваленном журналами и скелетами.

— Анна, я знал, что ты придёшь, — сказал он, снимая очки. — Этот Кораблёв — он твой?

— Он был свидетелем по одному делу, — ответила Анна. — Что вы можете рассказать о травмах пальцев?

Казанцев вздохнул, достал папку и открыл фотографии.

— Переломы характерные. Выкручены с усилием, причём после смерти или в агонии. Синяков вокруг почти нет, значит, кровоток уже остановился. Это сделано специально. И, знаешь, я видел такое раньше. В деле Белозёрова. Та же картина. Кто-то копирует твой метод.

— Я заметила, — сухо сказала Анна. — Ещё что-то необычное?

— Да. На шее — следы удушения, но очень тонкие, возможно, проволокой или струной. Смерть наступила от удушья, а потом уже сломали пальцы. То есть убийца сначала задушил, а потом надругался.

Анна кивнула. Это подтверждало её версию: убийца хотел послать сигнал именно ей. Она поблагодарила профессора и вышла.

Теперь у неё было два дела, переплетённых между собой: смерть Вити Ковалёва и смерть Дениса Кораблёва. И оба имели её почерк в качестве подписи. Она знала, что нужно двигаться дальше — найти Игоря, брата Алексея, или проверить других фигурантов из списка.

Она села в машину и поехала к дому, где жил Владимир Сорокин, подозреваемый в убийстве проститутки Ирины Цветковой. Если он тоже окажется мёртвым, значит, убийца идёт по списку.

По пути она позвонила отцу Вити, Ковалёву.

— Виктор, я начала расследование, — сказала она. — У меня есть хорошие новости и плохие. Хорошие: я нашла следы, которые указывают, что смерть не была несчастным случаем. Плохие: кто-то уже убил одного из свидетелей. Будьте осторожны. Если с вами свяжется кто-то подозрительный, звоните мне сразу.

— Я понимаю, — ответил Ковалёв, и его голос дрогнул. — Я готов на всё, лишь бы правда вышла наружу.

Анна положила трубку и сжала руль. Она ввязалась в опасную игру, но отступать было поздно. Тени её прошлого ожили, и она должна была встретиться с ними лицом к лицу, чтобы либо победить, либо погибнуть.

Глава 4. Зеркало

Следующий день. Москва, Центральный архив Министерства внутренних дел. Здание на Петровке, 38.

Анна Ветрова стояла у входа в массивное серое здание, которое пахло бумагой, пылью и бюрократией. Она не была здесь с тех пор, как уволилась из органов, и каждый раз, переступая порог этого места, она чувствовала себя предателем — будто вернулась на место преступления, которое сама совершила. Но сегодня у неё была цель, и она не собиралась отступать.

У неё были связи в архиве — старый знакомый, Вадим Сергеевич, который работал здесь тридцать лет и помнил её ещё лейтенантом. Он был тихим, незаметным человеком, который знал все тайны московской полиции, потому что пропускал через свои руки каждый документ. Анна позвонила ему накануне, и он согласился встретить её в обеденный перерыв, когда начальство уходит на обед.

Она вошла в холл, показала старое удостоверение частного детектива (оно не давало доступа, но Вадим обещал пропустить её через служебный вход), и через десять минут они уже сидели в его маленькой каморке, заставленной картонными коробками и папками. Вадим был похож на крота — седой, очкастый, с вечно мокрыми руками и тихим, шелестящим голосом.

— Анна, ты меня втягиваешь в нехорошие дела, — сказал он, поправляя очки. — Запрос на дело пятилетней давности, да ещё и по убийству? Это может вызвать вопросы.

— Вадим, я знаю, что ты любишь порядок, — ответила она, садясь напротив и кладя на стол бутылку дорогого коньяка, которую принесла с собой. — Это не запрос. Это личная просьба. Мне нужно посмотреть дело об убийстве Ирины Цветковой, 2016 год. Это было закрыто за отсутствием улик.

Вадим покосился на коньяк, затем на Анну, и вздохнул:

— Ты всегда умела убеждать. Ладно. Но у меня есть всего час. Через час начальник вернётся, и я должен быть на месте.

Он исчез в лабиринте стеллажей и через пятнадцать минут вернулся с пыльной папкой, обвязанной бечёвкой. На ней стоял штамп «Уголовное дело № 45/2016» и пометка «Закрыто, не раскрыто». Анна взяла папку, и её руки дрогнули — она помнила это дело. Она была в составе следственной группы, но не была ведущей — тогда она была в убийном отделе, а это дело вела другая бригада. Она помогала, но не была главной. Однако она помнила Ирину Цветкову — молодую женщину двадцати пяти лет, проститутку, которую нашли убитой в собственной квартире на окраине Москвы. Убийство было жестоким: она была задушена, а затем... тогда Анна не обратила внимания на детали, потому что у неё было своё дело о серийном убийце, которое требовало всего её внимания.

Она открыла папку и быстро пролиستала протоколы. Фотографии места преступления: комната в беспорядке, тело на кровати, лицо спокойное, но на руках — странные травмы. Анна замерла. На снимках были видны пальцы Ирины — они были неестественно вывернуты, явно сломаны. Это был тот же почерк. Те же фаланги, выкрученные в обратную сторону. И при этом в протоколе было написано: «Травмы не являются причиной смерти, вероятно, нанесены случайно в ходе борьбы».

Анна подняла глаза на Вадима:

— Почему здесь сказано «случайно»? Это явно не случайно. Это систематическое повреждение пальцев. Кто проводил экспертизу?

Вадим пожал плечами:

— Там был молодой эксперт, он тогда только пришёл. Может, не заметил. Или ему сказали не замечать, чтобы не усложнять дело. Ты же знаешь, как это бывает: если нет прямых улик, проще закрыть.

Анна сжала кулаки. Она знала, что в полиции часто торопятся закрыть дела, особенно когда жертва — проститутка. Никто не будет горевать, никто не будет требовать правды. Но Ирина была чьей-то дочерью, чьей-то сестрой, и она заслуживала справедливости.

Она начала сравнивать фотографии с теми, что сделала в квартире Дениса Кораблёва. Сходство было поразительным: одинаковый угол выворота пальцев, одинаковое положение рук. Более того, она заметила, что на снимках Ирины на её запястье есть тонкая красная полоса — след от удавки, точно такая же, как у Дениса. Значит, убийца действовал по одной схеме: сначала удушение, потом — повреждение пальцев, как послание.

Анна перелистнула на страницу с показаниями свидетелей. Соседи видели, как в день убийства возле дома Ирины стояла чёрная машина. Описание совпадало: иномарка, тонированные стёкла, мужчина высокого роста в чёрной куртке. Никто не запомнил номера. Ирина работала в эскорт-агентстве, и у неё было много клиентов, но никто из них не проходил по подозрению. Её сожитель, Владимир Сорокин, был арестован, но отпущен через две недели из-за алиби: в момент убийства он был у своей матери, что подтвердили соседи.

Анна вспомнила, что тогда она бегло просмотрела это дело, но не вникала. Она помнила, что Сорокин был мелким наркоманом и, возможно, он был виноват, но улики не хватило. Однако она также помнила, что Алексей, её напарник, говорил ей: «Анна, здесь что-то нечисто. Посмотри на её пальцы. Это не похоже на случайность». Но она тогда отмахнулась: «У нас есть дело о маньяке, Алексей. Нам некогда». И теперь это напоминание жгло её изнутри.

Она закрыла папку и посмотрела на Вадима:

— Вадим, это дело тоже связано с тем, что я расследую. Кто-то убивает людей, которые были связаны с моими прошлыми делами. И использует мой почерк. Я должна найти его.

Вадим нахмурился:

— Анна, будь осторожна. Я слышал, что ты уже под подпиской? Или тебя разыскивают? Я не хочу впутываться.

— Я не под подпиской, — соврала она (на самом деле она была под подпиской о невыезде, но это другая история). — Просто расследую частное дело. Ты мне очень помог. И, Вадим, если кто-то спросит, ты не видел меня.

Она взяла папку, но Вадим остановил её:

— Нет, Анна, папку я не отдам. Это архивный экземпляр. Только читай здесь. И ничего не выноси.

Анна кивнула и достала телефон. Она сделала снимки всех ключевых страниц, включая фото и протоколы. Ей нужна была эта информация для сравнения. Она также записала адрес Владимира Сорокина — он всё ещё жил в том же районе, где была убита Ирина.

— Спасибо, Вадим, — сказала она, вставая. — Ты спас меня.

— Я не спасаю, я помогаю, — ответил он, убирая папку. — Будь осторожна, Анна. Я чувствую, что здесь что-то большее, чем просто старые дела.

Она вышла из архива, и холодный ветер ударил в лицо. Она села в машину, включила отопление и начала рассматривать снимки на телефоне. Теперь у неё было три дела, связанных между собой: Витя Ковалёв (2016, несчастный случай), Ирина Цветкова (2016, убийство) и Денис Кораблёв (настоящее время, убийство). И во всех случаях присутствовал один и тот же элемент: сломанные пальцы, нанесённые после смерти или в агонии. Это был её личный знак — тот, который она использовала на допросе Белозёрова. Но Белозёров сидел в тюрьме, он не мог убить этих людей. Значит, кто-то другой знал об этом методе. Кто-то, кто был близко к ней.

Она подумала о своём старом напарнике Алексее. Он знал всё о её методах, он был с ней, когда она сломала палец Белозёрову. Он также знал о деле Вити, потому что они работали вместе. Он даже указывал на царапины на балконе. Но Алексей был мёртв — погиб в перестрелке через месяц после смерти Вити. Или нет? Она вспомнила, что похороны были

закрытыми, тело было настолько обожжено, что опознать его можно было только по жетону. Что, если он инсценировал свою смерть?

Анна сжала руль. Она не хотела в это верить. Алексей был её другом, её единственным союзником в убийном отделе. Он был честным полицейским, который никогда бы не пошёл на убийство. Но что, если он видел, как она ошиблась с делом Вити, и решил исправить её ошибки? Он всегда был перфекционистом. И он всегда считал, что она слишком мягка, что она позволяет преступникам уходить от правосудия.

Она вспомнила разговор, который произошёл незадолго до его гибели. Они сидели в машине после неудачного задержания, и Алексей вдруг сказал:

— Анна, ты знаешь, что иногда я думаю: если бы правосудие работало быстрее, если бы мы могли просто убирать этих тварей, не дожидаясь суда... мир стал бы чище.

Анна тогда усмехнулась:

— Ты говоришь как маньяк, Алёша. Закон есть закон.

— Я знаю, — ответил он, и в его глазах была какая-то тоска. — Но когда я вижу, как педофилы выходят через два года или как убийцы остаются безнаказанными, я понимаю, почему некоторые становятся мстителями.

Анна не придавала этому значения тогда. Но теперь эти слова звучали иначе. Что, если Алексей решил, что она — его инструмент? Что он будет убивать за неё, чтобы она была чиста перед совестью? Или что он хотел, чтобы она стала на шаг вперёд?

Она отогнала эти мысли. Нужно было действовать. Сначала она должна найти Владимира Сорокина и убедиться, что он жив. Если он тоже убит, значит, убийца действительно идёт по списку её дел.

Она набрала адрес Сорокина в навигатор и поехала в тот район — Бирюлёво, на соседней улице от места убийства Дениса. Это был старый спальный район с серыми панельными домами. Она нашла нужный подъезд, но дверь была заперта, и домофон не работал. Она позвонила в квартиры на первом этаже, но никто не открыл. Наконец, одна женщина вышла с собакой и впустила её.

Анна поднялась на третий этаж. Квартира Сорокина была на площадке, рядом с лифтом. Она постучала — никто не ответил. Она прислушалась: за дверью было тихо, никаких запахов. Может, его нет дома. Она толкнула дверь — она была заперта. Она достала отмычки и попыталась открыть замок — он поддался через минуту. Внутри было чисто и уютно — не похоже на жилище наркомана. На столе стояла ваза с цветами, на полке — книги. Анна прошла по комнатам: никого. На кухне стояла кружка с остывшим чаем, на столе лежал открытый ноутбук. Она подошла к нему — экран был в режиме ожидания. Она коснулась клавиши, и экран засветился. Открыт был сайт знакомств, и на экране было переписка с какой-то женщиной. Сорокин, видимо, искал новую подругу.

Анна заметила, что на столе рядом с ноутбуком лежит квитанция об оплате интернета, датированная вчерашним числом. Значит, он был дома вчера. Но сегодня его нет. Или он ушёл по делам, или...

Внезапно она услышала звук ключа в замке. Кто-то входил. Анна быстро отошла от стола и спряталась за дверью в прихожей. Дверь открылась, и в квартиру вошёл мужчина лет сорока, с уставшим лицом и пакетом продуктов в руках. Он поставил пакет на пол и начал снимать куртку. Это был Владимир Сорокин.

Анна вышла из-за двери:

— Владимир? Я Анна Ветрова, частный детектив. Мне нужно с вами поговорить.

Сорокин вздрогнул, чуть не уронил пакет, но быстро взял себя в руки. Он оглядел её с ног до головы, затем, видимо, решил, что она не опасна, и спросил:

— Вы про Ирину? Я уже всё рассказал полиции. Я не убивал её.

— Я знаю, — сказала Анна, подходя ближе. — Я не хочу обвинять вас. Я хочу поговорить о другом. О её пальцах. Вы заметили, что они были сломаны?

Сорокин побледнел. Он прошёл на кухню, сел за стол и жестом пригласил её сесть.

— Я заметил, — сказал он, его голос дрожал. — Я тогда сказал следователю, что это не я. Я никогда бы не сделал такого. Ирина была... она была хорошая. Мы ссорились иногда, но я любил её. Я не мог причинить ей боль.

— Я знаю, — повторила Анна. — Вы не убивали её. Но я расследую другие дела, и я нашла похожие травмы на других жертвах. Это один и тот же человек. И он оставляет мой почерк.

— Ваш почерк? — удивился Сорокин.

— Это долгая история, — ответила Анна. — Но я должна вас предупредить: вы можете быть в опасности. Кто-то убивает людей, которые были связаны с делами, которые я вела. И вы — один из них. Потому что вас оправдали, и вы остались на свободе. Убийца считает, что вы должны быть наказаны, даже если вы невиновны.

Сорокин растерянно посмотрел на неё:

— Но я же невиновен! Почему меня должны наказать?

— Потому что убийца иррационален, — сказала Анна. — Он считает, что правосудие не работает, и он исправляет ошибки. Вы — ошибка системы. Я пришла, чтобы помочь вам. Скажите, вы не замечали ничего странного в последнее время? Кто-то следил за вами? Машина чёрная, высокий мужчина?

Сорокин задумался, затем покачал головой:

— Нет, ничего такого. Я работаю на стройке, живу тихо. Но... вчера я видел странную машину у моего дома. Чёрный джип с тонированными стёклами. Она стояла напротив подъезда часа два. Я не придавал значения, мало ли машин.

Анна насторожилась:

— А номер вы не запомнили?

— Нет, я не смотрел.

— Хорошо, — сказала Анна. — Слушайте меня внимательно. Уезжайте из города на пару недель. К матери, к друзьям. Не оставайтесь один в квартире. Если увидите чёрную машину, сразу мне звоните. Я оставлю свой номер.

Она написала номер на листке и протянула ему. Сорокин взял его, но было видно, что он не до конца понимает, что происходит.

— Я уеду, — сказал он. — Сегодня же. К матери в Рязань. Я не хочу рисковать.

Анна кивнула и вышла из квартиры. Она была уверена, что Сорокин не является целью прямо сейчас, но если убийца действительно идёт по списку, он может добраться до него. Но Сорокин был невиновен, а значит, убийца ошибался. Но Анна не могла допустить ещё одной жертвы.

Она села в машину и, не уезжая, просмотрела список других дел. У неё было ещё два дела: поджог склада в 2018-м, где подозреваемый был оправдан, и дело о мошенничестве, где она не смогла собрать улики. Все фигуранты этих дел были живы и на свободе. Если убийца идёт по хронологии, то следующим может быть кто-то из них.

Она решила сначала разобраться с делом Ирины Цветковой: оно было 2016 года, как и смерть Вити. Возможно, убийца начал в том году, а потом сделал паузу, и теперь возобновил, потому что она начала копать. Или потому что он считал, что она начала понимать.

Внезапно зазвонил телефон. Это был Свиридов.

— Анна, у меня для тебя новости, — сказал он быстро. — По поводу Кораблёва. Экспертиза подтвердила удушение, и травмы пальцев нанесены после смерти. Это не сердечный приступ. И есть ещё кое-что. Мы нашли отпечатки на входной двери. Частичный отпечаток, нечёткий, но один палец совпадает с отпечатками, которые были оставлены на балконе в деле

Ковалёва пять лет назад. Мы не знали тогда, но сейчас, когда мы сравнили, — совпадение. Это один и тот же человек.

Анна замерла. Это было подтверждение: убийца Вити и убийца Дениса — одно лицо. Теперь у неё был официальный отпечаток, который можно было искать в базах. Но Свиридов ещё не закончил:

— И, Анна, есть ещё одно. Мы проверили отпечаток по базе. Он не совпадает ни с одним зарегистрированным преступником. Но мы сделали анализ почерка на сломанных пальцах. Эксперт сказал, что это не твой почерк — то есть не просто копирование, а именно «почерк» — способ выкручивания пальцев отличается. Ты ломаешь резко, одним движением, а этот — медленно, с усилием, как будто хочет продлить боль.

Анна почувствовала, как по спине пробежал холод. Это было не просто подражание, а индивидуальный метод. Убийца делал это с наслаждением. Это был маньяк.

Она поблагодарила Свиридова и положила трубку. Теперь она была уверена: она имела дело с психопатом, который убивает, чтобы исправить её ошибки. И этот человек знал о ней всё.

Она набрала номер отца Вити, чтобы сообщить, что дело движется, и внезапно её взгляд упал на своё отражение в зеркале заднего вида. Она вдруг ясно увидела в этом отражении кого-то другого — Алексея. Или его брата Игоря. Она вспомнила, что у них были одинаковые глаза — серые, холодные, смотрящие прямо в душу.

Она решила: завтра она поедет к Игорю. Если он живёт в Москве, она найдёт его и выяснит, знает ли он что-то о своём брате.

Но сейчас она была вымотана. Она поехала домой, чтобы отдохнуть, но на подъезде к своему дому она заметила ту же чёрную машину, которая была у дома Сорокина. Она припарковалась, вышла и направилась к той машине, но когда она подошла ближе, та сорвалась с места и уехала. Она не успела разглядеть номер.

Анна стояла на улице, дрожа от холода и страха. Кто-то следил за ней. Кто-то знает, где она живёт. И этот кто-то, возможно, уже сделал следующий шаг.

Она зашла в подъезд, поднялась в свою квартиру, заперла дверь на все замки и села на пол, прислонившись к стене. Её сердце колотилось, но она взяла себя в руки. Она не позволит себя запугать.

Она открыла ноутбук и начала искать информацию о брате Алексея, Игоре. Она знала его адрес — он был у неё в старой записной книжке. Он жил в Подмоскowie, в небольшом городе Королёв. Завтра она поедет туда. Но сначала — сон.

Она легла на диван, но не могла уснуть. Она смотрела в потолок и думала о том, что, возможно, она сама создала этого монстра. Своей жестокостью, своей верой в то, что закон можно подталкивать. Она стала примером для кого-то, кто решил пойти дальше. И теперь ей придётся остановить его, даже если для этого нужно пожертвовать всем.

Глава 5. Ночной звонок

Той же ночью. Москва, квартира Анны Ветровой на окраине города.

Анна не спала. Она лежала на диване, накрывшись старым пледом, и смотрела в потолок, где трещина в штукатурке напоминала карту реки. Телефон лежал на журнальном столике, и она то и дело поглядывала на его тёмный экран. Там, в памяти, хранилось то сообщение — фотография Громова, сидящего в ресторане, и слова: *«Этот тоже не наказан. Ты могла бы остановить меня»*. Она перечитала его раз десять, анализируя каждую букву, каждый знак препинания. Сообщение было отправлено с неизвестного номера, который теперь был вне зоны доступа. Но оно было реальным, и угроза в нём была реальной.

Громов. Её бывший начальник. Человек, который уволил её, но который также дал ей шанс, когда другие отвернулись. Он был не идеальным — чиновник до мозга костей, карьерист, но он был честным в своей бюрократической манере. Он не был коррумпированным, не покрывал преступников, просто он играл по правилам. А она — нет. И теперь кто-то считал, что он должен понести наказание. Но за что? За то, что он не остановил её? За то, что он позволил ей сломать пальцы Белозёрову? За то, что он подписал её увольнение, а не отправил в тюрьму?

Анна села, потёрла лицо ладонями и посмотрела на часы: половина второго ночи. Она могла бы перезвонить Громову, но в такой час это было бы странно. Что она скажет? «Полковник, кто-то прислал мне ваше фото, будьте осторожны»? Он бы подумал, что она пьяна или сошла с ума. Но она не могла просто сидеть и ждать.

Она взяла телефон и набрала номер Громова. Трубка долго гудела, затем включилась голосовая почта. Она сбросила вызов и набрала снова — тот же результат. Анна почувствовала, как холодок пробежал по спине. Громов всегда отвечал на звонки, даже ночью. Он был из тех, кто носит телефон с собой, как оружие. Если он не берёт трубку, значит, либо он спит и выключил звук, либо...

Она не хотела думать о «либо». Но она знала, что должна проверить. Она вспомнила адрес ресторана на фотографии — это был «Прага» на Новом Арбате, дорогое заведение, где часто собирались чиновники и бизнесмены. Громов любил это место, она знала, потому что они иногда отмечали там успешные дела. Если он был там несколько часов назад, возможно, он ещё там. Или уже ушёл. Но она решила поехать.

Анна быстро оделась — джинсы, тёмный свитер, куртка. Она надела удобные ботинки, взяла свой небольшой рюкзак с набором инструментов и ключи от машины. Она вышла из квартиры, тихо закрыв дверь, и направилась к лестнице. Лифт не работал по ночам, и она спустилась пешком. На улице было ветрено и холодно, осенний ветер гнал по асфальту сухие листья. Она села в свою «Тойоту», завела двигатель и выехала на пустынные московские улицы.

Дорога до Нового Арбата заняла около получаса. Город ночью был пустым и безлюдным, лишь редкие машины проезжали мимо, да горели жёлтые огни фонарей. Анна припарковалась у ресторана «Прага», который уже был закрыт — лишь дежурный свет горел в холле. Она подошла к двери, постучала — никто не ответил. Тогда она обошла здание, заглянула в окна. Внутри было темно, только на втором этаже горел свет в одном из кабинетов. Это был VIP-зал, где обычно проводили банкеты. Громов, вероятно, был там.

Анна нашла чёрный вход, который обычно использовали сотрудники, и с помощью отмычек открыла замок. Это было незаконно, но она не думала об этом. Она вошла внутрь, оказавшись в узком коридоре, пахнущем дешёвым освежителем и жареным маслом. Она поднялась по служебной лестнице на второй этаж и тихо вышла в коридор, ведущий в VIP-зал.

Она подошла к двери, которая была слегка приоткрыта. Изнутри доносился слабый звук музыки — джаз, играющий на низкой громкости. Анна толкнула дверь и вошла.

Внутри царил беспорядок. Стол был накрыт, но еда осталась нетронутой, бокалы с вином стояли на салфетках, один из них был опрокинут, и тёмная лужа растеклась по скатерти. Стулья были сдвинуты, на полу валялась разбитая ваза с цветами. Но главное — на диване у стены лежал Громов. Он был неподвижен, его глаза были открыты, но ничего не выражали. На лице застыло удивлённое выражение — будто он не ожидал, что его жизнь закончится именно так.

Анна подошла ближе, и её сердце забилося где-то в горле. Она знала этот взгляд — взгляд мёртвого человека. Она видела его сотни раз, но когда это был кто-то, кого она знала, это было по-другому. Она наклонилась и проверила пульс на шее — кожа была холодной, пульса не было. Громов был мёртв уже несколько часов.

Она осмотрела тело. На вид не было видимых ран, но на шее она заметила тонкую красную полосу — точно такую же, как у Дениса Кораблёва и Ирины Цветковой. Удушье. Тот же почерк. Затем она проверила руки — пальцы были целы, не сломаны. Но она заметила, что на правой руке, на указательном пальце, есть странный след — будто его сжимали с силой, но не сломали. Это был её метод, но не до конца. Убийца словно хотел напомнить о ней, но не оставил свою полную подпись.

Анна встала и оглядела комнату. В углу она заметила небольшой предмет, лежащий под столом — это был её старый служебный жетон, который она потеряла год назад, когда её уволили. Она потеряла его, когда выходила из здания МВД, и думала, что он валяется где-то на улице. Но он был здесь, положенный на видное место, будто специально для неё.

Она взяла жетон, перевернула его. На обратной стороне было написано её имя и номер. Это было послание. Убийца хотел, чтобы она знала: он следит за ней, он знает о ней всё, и он использует её прошлое как оружие. Он оставляет её следы на местах преступлений, чтобы подставить её.

Но зачем? Чтобы она замолчала? Чтобы она чувствовала вину? Или чтобы она поняла, что она — часть его плана? Анна сунула жетон в карман и быстро обыскала комнату. Она не хотела прикасаться к телу, но ей нужно было найти улики. Она нашла окурков в пепельнице — возможно, его, возможно, убийцы. Она взяла его в пакет. Она также нашла телефон Громова, который лежал на столе. Экран был заблокирован, но она знала его пароль — он был таким же, как у него в кабинете: дата рождения дочери. Она ввела код и открыла меню. Последний звонок был от неё, за час до его смерти. Но она не звонила ему — кто-то использовал спуфинг, подделку её номера. Она поняла это, когда увидела в журнале вызовов, что номер был похож на её, но на одну цифру отличался. Убийца хотел, чтобы Громов думал, что она звонит ему.

Она проверила сообщения — там было одно, отправленное за десять минут до его смерти. Текст был прост: «Встретимся в ресторане. Анна». Он пришёл на встречу, думая, что это она. И его убили.

Анна сжала телефон в руке. Её подставили. Теперь, когда тело найдут, подозрение падёт на неё — они уже знали о её жетоне, о её звонках, о её присутствии здесь. Ей нужно было уходить.

Но внезапно она услышала шаги на лестнице. Кто-то поднимался. Она быстро выключила свет в комнате и спряталась за тяжёлой портьерой. Шаги приближались, дверь открылась, и в комнату вошёл мужчина в форме частного охранника. Он включил свет и остановился, увидев тело. Он выругался и начал звонить по рации.

Анна поняла, что у неё есть всего несколько секунд, чтобы уйти. Она выскользнула из-за портьеры, проскользнула за спиной охранника, который был занят вызовом, и выбежала в коридор. Она спустилась по лестнице и вышла через чёрный ход, пока охранник не заметил её.

Она села в машину и быстро уехала, её руки дрожали на руле. Она знала, что теперь её ищут. Она оставила там телефон Громова, но она забрала жетон и окурков. Вряд ли охранник её запомнил, но если полиция найдёт отпечатки её пальцев в комнате (она не надевала перчатки, когда брала телефон), они смогут установить её присутствие.

Ей нужно было срочно придумать, что делать. Полиция может не сразу связать её со смертью Громова, но когда она объявится, её будут допрашивать. А если у них будут её ДНК или отпечатки, они могут обвинить её в убийстве. Она была в розыске за убийство Кораблёва? Нет, ещё нет. Но это могло произойти.

Она припарковалась у пустыря, выключила двигатель и сидела в тишине, пытаясь успокоиться. У неё в голове крутились обрывки мыслей: Громов мёртв, его убили тем же способом, убийца использует её методы, оставляет её следы. Это была ловушка. Кто-то хотел, чтобы она стала козлом отпущения. Или чтобы она почувствовала вину за каждую смерть, за каждое дело, которое она не раскрыла.

Она вспомнила Громова не как начальника, а как человека. Он был строгим, но справедливым. Он давал ей свободу действий, даже когда она перегибала палку. Когда её уволили, он сказал ей: «Анна, ты хороший следователь, но ты слишком горячая. Ты не умеешь ждать. Правосудие требует терпения». Она тогда сказала ему: «А если нет времени?» Он ничего не ответил, лишь покачал головой. Теперь его не было, и она не могла с ним попрощаться.

Она достала телефон и позвонила Свиридову. Он ответил после второго гудка, голос сонный и недовольный.

— Анна? Ты знаешь, который час?

— Лёша, слушай внимательно, — сказала она быстро. — Полковник Громов мёртв. Его убили. В ресторане «Прага» на Новом Арбате. Меня подставляют. Я была там, но я не убивала его. Мне нужно, чтобы ты проверил камеры. Или помог мне.

Наступила тишина. Затем Свиридов сказал, его голос стал серьёзным:

— Анна, если ты шутишь, это не смешно. Громов? Он был в отставке, но... почему ты думаешь, что это убийство?

— Потому что я видела его тело, Лёша. Он задушен. И на его столе был мой жетон. Кто-то хочет подставить меня. Пожалуйста, проверь камеры. Возможно, ты увидишь, кто заходил в ресторан до меня. Или кто выходил. Я не могу доверять никому другому.

Свиридов вздохнул:

— Хорошо. Я попробую. Но если это правда, то ты в большой опасности. Я позвоню тебе, как только что-то узнаю.

Он отключился. Анна сжала телефон и опустила голову на руль. Она чувствовала, как усталость наваливается на неё, но спать нельзя. У неё есть только ночь, чтобы понять, кто стоит за этим, прежде чем полиция выйдет на её след.

Она решила вернуться в офис — там у неё были все материалы по делам, и она могла бы проанализировать их более тщательно. Но сначала она заехала к своему информатору, старому вору по кличке Боцман, который жил на окраине в полуподвале. Боцман был мастером по подделке документов и имел доступ к информации из криминального мира. Она дала ему снимок отпечатка с балкона и попросила проверить, не совпадает ли он с кем-то из его знакомых.

Боцман, лысый мужчина с татуировками на руках, взял снимок, посмотрел на него и сказал:

— Анна, это не простой отпечаток. Это «берцы» — военные ботинки. Такие носят или спецназ, или те, кто служил в армии и сохранил привычку. В Москве таких много, но если он был на балконе, значит, он бывший военный или полицейский. Я поищу по своим каналам, может, кто-то видел такие следы.

Она поблагодарила его и поехала в офис. Там она включила компьютер и начала заново перечитывать все дела, которые были у неё в архиве. Она составила хронологию: 2012 — допрос Белозёрова, сломанный палец; 2016 — смерть Вити Ковалёва (подписана как «НС») и смерть Ирины Цветковой (закрыта); 2018 — поджог склада; 2019 — мошенничество; 2020 — её увольнение; сейчас — смерть Кораблёва и Громова. Все эти дела были связаны между собой либо тем, что она их вела, либо тем, что она была к ним причастна. Но что общего у всех

жертв? Они были либо невиновны (как Кораблёв и Громов), либо были преступниками, ушедшими от правосудия (как подозреваемый в убийстве Ирины, Сорокин, который был оправдан). Убийца не делал различий — он карал всех, кто, по его мнению, избежал наказания.

Анна вспомнила, что у Белозёрова, которому она сломала палец, был брат-близнец. Она проверила это — да, у Белозёрова был брат, который отбывал срок за убийство, но вышел в 2015 году. Но он умер в 2017-м от передозировки. Не похоже на него.

Тогда она подумала об Алексее. Он знал все её дела, он был её напарником, он погиб в перестрелке. Но что, если он не погиб? Она открыла файл с его делом, которое хранила как память. Там были фотографии места его гибели — склад на окраине, где они пытались задержать группу вооружённых бандитов. Тогда они шли на задержание, но на них напали, и Алексей был смертельно ранен. Анна была рядом, держала его за руку, пока он умирал. Она помнила его последние слова: «Анна... не вини себя... это не твоя вина». Он умер на её руках. Она была уверена, что он мёртв, потому что видела, как угасает его взгляд. Но тогда тело было сильно повреждено, и она не могла опознать его по лицу — только по жетону. Позже, когда она пришла в морг, ей сказали, что тело уже кремировали по распоряжению его семьи. Она не стала проверять — она была слишком убита горем.

Что, если он не погиб? Что, если он инсценировал свою смерть, чтобы уйти в тень и начать свою войну? Но зачем ему это делать? Он был идеалистом, но он не был убийцей. Он не мог убивать людей хладнокровно.

Но если не он, то кто-то, кто знал его, знал её, и знал все детали их работы. Кто-то с доступом к архивам, кто-то, кто мог добыть её жетон.

Анна набрала номер матери Алексея, старой женщины, которая жила в Подмосковье. Она не звонила ей годами, но она решила попробовать. Телефон долго гудел, затем ответил сонный голос.

— Алло? Кто это?

— Здравствуйте, это Анна Ветрова, бывшая коллега Алексея. Я хотела спросить... вы не знаете, где сейчас его брат, Игорь? Я хочу поговорить с ним.

Наступила пауза. Затем мать Алексея сказала, её голос дрожал:

— Игорь? Он... он умер. Два года назад. Передозировка. Алексей тогда был ещё жив, он сильно переживал.

Анна замерла. Игорь мёртв? Но она видела его в деле, он был жив. Если он мёртв, то кто же тогда убивает? Она проверила базу данных — Игорь действительно умер в 2020 году, подтверждено медицинской справкой. Это была тупиковая версия.

Тогда кто? Она снова перебрала всех, кто знал о её методах. Это мог быть кто-то из коллег, кто-то из архива, кто-то, кто был с ней на допросе Белозёрова. Тогда в комнате были только она, Алексей и оператор. Оператор, Кирилл, был молодым парнем, который ушёл из полиции через год и теперь работал в охране. Анна нашла его адрес — он жил в Москве. Она могла бы навестить его завтра.

Но сейчас она должна была решить, что делать с ситуацией вокруг Громова. Она знала, что её имя уже может фигурировать в рапортах. Она взяла свой запасной телефон и написала Свиридову: «Есть что-то?» Через минуту он ответил: «Камеры в ресторане работали, но в ночь убийства их отключили на два часа. Совпадение? И твой звонок зафиксирован у Громова. Ты в опасности. Скрывайся».

Анна поняла, что её план рушится. Она не могла доверять никому, кроме себя. Но она также знала, что должна продолжать расследование, даже если это станет её последним делом.

Она легла на диван в офисе, накрывшись курткой, и закрыла глаза. Через час она проснётся и поедет к Кириллу, чтобы узнать, что он знает. А пока — несколько часов сна, чтобы набраться сил.

Но сон не шёл. Перед глазами стояло лицо Громова, его удивлённый взгляд, его мёртвые глаза. И чей-то голос в голове: «Этот тоже не наказан». Она не знала, кто это был, но она знала, что этот человек читает её мысли и использует их против неё. Она должна была стать быстрее, хитрее, иначе она станет следующей жертвой.

Анна, наконец, провалилась в беспокойный сон, и ей снился балкон пятого этажа, и Витя, который махал ей рукой, и тень за его спиной, которая тянулась к нему.

Глава 6. Второе дно

Утро следующего дня. Москва, спальный район Северное Бутово. Квартира бывшего оператора Кирилла Соболева.

Анна проснулась от резкого звонка будильника, который она поставила на шесть утра. Несколько часов сна, прерываемого кошмарами, не принесли отдыха — она чувствовала себя разбитой, но адреналин, бурлящий в крови, заставлял двигаться дальше. Она быстро умылась в маленькой раковине офиса, привела себя в порядок и выпила чашку крепкого кофе, сваренного на старой электрической плитке. Нужно было действовать, пока полиция не объявила её в розыск официально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.